

*Посвящается Зельде,
которая открыла для меня отношения хищника
и жертвы, и волчице «Об», научившей меня,
что значит быть волком*

THE INVADERS

How Humans and Their Dogs Drove
Neanderthals To Extinction

Pat Shipman

THE BELKNAP PRESS OF
HARVARD UNIVERSITY PRESS
CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS
LONDON, ENGLAND

ЗАХВАТЧИКИ

Люди и собаки против
неандертальцев

Пэт Шипман

Перевод с английского

МОСКВА 2019

УДК 572.1/4
ББК 28.71
Ш63

Переводчик Дмитрий Лазарев
Научный редактор Елена Ванисова, канд. биол. наук
Редактор Антон Никольский

Шипман П.

Ш63 Захватчики: Люди и собаки против неандертальцев / Пэт Шипман ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2019. — 378 с. — (Серия Alpina Popular Science).

ISBN 978-5-00139-054-1

Почему современный человек выжил, а неандертальцы — его эволюционные родичи, потомки более древнего ответвления *Ното* — вымерли? Антрополог Пэт Шипман отстаивает идею, что успеху наших прародителей мы обязаны своей хвататнической природой. Опираясь на биологическое понимание инвазивных видов, вытесняющих конкурентов, Шипман отслеживает разрушительное воздействие растущей популяции человека современного типа на своих собратьев и причисляет нашу ветвь *Ното sapiens* к наиболее выраженным носителям таких агрессивных качеств. А надежным помощником в осуществлении этой экспансии Шипман считает.. волка. Согласно гипотезе Шипман, союз двух хищников — человека и волка — позволил им успешно охотиться на крупных млекопитающих ледникового периода, что дало решающее преимущество над неандертальцами, когда изменение климата сильно осложнило жизнь обеих групп рода *Номо*.

УДК 572.1/4
ББК 28.71

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-91671-297-1
(Серия Alpina Popular Science)
ISBN 978-5-00139-054-1 (рус.)
ISBN 978-0674736764 (англ.)

© Pat Shipman, 2015
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

Оглавление

Предисловие	7
1. Они – это мы	13
2. Мы идем к вам, хотите вы этого или нет	23
3. Время имеет значение	54
4. Кто выйдет победителем?	73
5. Откуда вы знаете то, что знаете?	96
6. Что у нас на обед?	109
7. На что похоже вторжение?	134
8. Жили, жили и ушли.....	157
9. Угадайте, кто еще придет на обед?.....	176
10. Под давлением конкурентов.....	207
11. Принцип Джаггера	224
12. Приручившие собак.....	239
13. Почему собаки?.....	275
14. Когда волк перестает быть волком?	303
15. Что произошло и почему	319

Комментарии	329
Иллюстрации	369
Предметно-именной указатель.....	373

Предисловие

В этой книге объединено множество, казалось бы, несочетаемых идей из разных областей знаний, которые многому меня научили, и мой личный опыт. Одна из самых важных идей начала формироваться в 2009 г., когда я прочла выдающуюся статью Матё Жермонпре и группы ее коллег, сообщившей о разработке метода, с помощью которого можно было бы отличить собаку от волка, используя статистический анализ промеров черепов. К удивлению авторов и моему, эта безупречная методика позволила идентифицировать ископаемый собачий череп, которому, как оказалось, было около 32 000 лет, тогда как одомашнивание собак произошло, по имевшимся представлениям, примерно 14 000 лет назад. После внимательного и многократного чтения статьи я убедилась, что исследователи были правы. Я стала размышлять о том, какое значение для наших древних предков имело приручение собаки и было ли это как-то связано с вымиранием неандертальцев, которое, как тогда считалось, произошло всего на несколько тысяч лет позже появления собаки, согласно работе Жермонпре. Я прочла обширную литературу, посвященную удивительным исследованиям по биологическим, поведенческим и генетическим различиям между волками и собаками.

Другая нить в паутине проверки гипотезы появилась благодаря тому, что мне посчастливилось иметь

небольшой дом на карибском острове Малый Кайман. Главный и практически единственный предмет гордости Малого Каймана — это его великолепные пляжи и потрясающая система коралловых рифов. Остров стал местом паломничества для пловцов с трубкой и аквалангистов, которые приходят в восторг от малочисленности населения острова (примерно 175 постоянных жителей), отсутствия магазинов и супермаркетов и ориентированности на экотуризм. Мы с мужем любим остров по тем же причинам. В 2008 г. на наших рифах впервые появилась полосатая крылатка (лат. *Pterois volitans*). Рыбка красивая, но ареалом этого вида являются воды Индийского и Тихого океанов. Полосатая крылатка — опасный и прожорливый хищник, который поедает другие виды рыб и ракообразных. Элегантные иглы этой рыбы ядовиты, и яд этот достаточно опасен для дайверов. Полосатые крылатки так быстро размножаются, что могут полностью истребить или вытеснить с коралловых рифов подводных обитателей, которые не распознают в них хищников.

Чтобы защитить природную красоту и туристическую привлекательность Малого Каймана, необходимо принять какие-то меры против представителей этого инвазивного вида*. Волонтеры на Малом Каймане начали еженедельно вылавливать полосатую крылатку. Курортные добровольцы поделили обязанности; была собрана команда профессиональных дайверов, пожелавших

.....
* Неаборигенного, чужеродного вида, который может непредсказуемо повлиять на местную фауну и флору. — *Прим. ред.*

принять участие в общем деле; шеф-повара курортных ресторанов начали включать в меню блюда из полосатой крылатки; были проведены акции по сбору денег; получены данные о размерах, численности и рационе питания полосатой крылатки¹. Под влиянием этой насущной проблемы я начала изучать инвазивные виды и углубилась в развивающуюся область биологии — инвазионную биологию.

Хотя мой интерес к инвазивным видам был вызван морской биологией, вскоре я поняла, что классический вопрос антропологии о том, почему вымерли неандертальцы, а древние предки современных людей нет, можно рассмотреть с позиций инвазионной биологии. Эта наука позволяет по-новому взглянуть на старую проблему.

По мере погружения в инвазионную биологию мне пришлось прочесть большой объем литературы о реинтродукции волков в Национальном парке Йеллоустон. Строго говоря, этот случай был не естественной, а рукотворной инвазией. Ее целью было возвращение Йеллоустонской экосистемы к ее естественному состоянию, в котором она находилась до появления поселенцев, охотников и фермеров, истребивших волков. Однако, поскольку это было сознательное, заранее и хорошо спланированное восстановление популяции, специалисты располагали превосходными и исчерпывающими сведениями о других, не таких опасных млекопитающих, о растениях, птицах и их распространении на территории парка и в его окрестностях. Реинтродукция волков,

продолжавшаяся с 1995 по 1996 г., и вызванные ею процессы в Большой Йеллоустонской экосистеме были просчитаны, подготовлены, сняты на пленку, задокументированы и проанализированы. Мне кажется, это отличная модель для описания появления хищных современных людей в евразийской экосистеме, которое произошло, вероятно, около 45 000 лет назад.

В 2012 г. моя давняя подруга Мэри Степлтон пригласила составить ей компанию и прослушать замечательный курс «Управление общественными землями: политика и йеллоустонская экосистема», который читали непосредственно в Йеллоустоне. Организованный Американской ассоциацией государственных колледжей и университетов (AASCU), этот учебный курс был рассчитан на людей с высшим образованием и администраторов высшей школы. Мы посещали парк Йеллоустон в сопровождении профессиональных гидов по дикой природе и знакомились с самыми разными мнениями, общаясь с фермерами, живущими в окрестностях парка, зрителями парка, экологами, специалистами по поведению животных и управляющими. Йеллоустон — это одно из самых удивительных и необычных мест в мире, поэтому бывать там всегда волнительно. Когда я в нем оказалась и смогла посмотреть глазами разных заинтересованных сторон, это стало для меня настоящим откровением. Увидев, что происходит, услышав различные мнения и пожив немного местной жизнью, я смогла получить ошеломляющее впечатление от картины сопротивления устоявшейся экосистемы вселению опасного хищника.

В 2013 г. я участвовала в великолепной конференции в Кракове, где получила довольно большой объем информации о местах, в которых были найдены тысячи ископаемых костей мамонтов. Благодаря этой конференции, некоторые из этих мест, наиболее интересные, я смогла посетить. Также я пообщалась со старыми и новыми друзьями, которые проводят исследования в областях, связанных с изучением неандертальцев, древних людей, собак, волков, мамонтов, этологии, генетики, археологии, методов датирования, и во многих других сферах переднего края науки. Я безмерно благодарна всем тем, кто делился знаниями, спорил со мной или соглашался, присылал еще не опубликованные или только вышедшие материалы, позволял мне использовать их иллюстрации, помогал обобщать разнородные сведения в единое целое. Я хочу сказать спасибо Саванну Бари, Оферу Бар-Йозефу, Эрве Бошрену, Джорджу Чаплину, Стиву Черчиллю, Сильване Кондеми, Нику Конарду, Катерине Дука, Дороти Дракер, Холли Дансворт, Клайву Финлейсону, Дэну Фишеру, Дженифер Френч, Матьё Жермонпре, Брайану Харе, Кристине Хертлер, Тому Хигхэму, Джеффу Хоффекеру, Нине Яблонски, Мартине Лазничковой-Галетовой, Джеффу Мэтисону (выдающемуся картографу), Джорджу Мехэффи, Полу Мелларсу, Дику Моу, Сьюзан Мюнзель, Нейлу ван Ниекирку, Лоренцо Руку, Крису Руффу, Бет Шапиро, Джону Ши, Дугу Смиту, Мэри Степлтон, Ольге Соффер, Джин Свободе, Олафу Тельману, Саре Тицкофф, Эрику Тринкаусу, Блэк Ван Валькенбур, Ребекке Вольмер, Бобу Вейну, Петру

Войталю и Ярославу Вилцжински за их великодушные и помощь. Если я кого-то забыла, то это из-за моей плохой памяти, а вовсе не из-за недостатка признательности.

Темы и идеи, представленные в седьмой главе, были изложены в опубликованной в 2012 г. в журнале *American Scientist* статье «Цена дикой природы»². Четырнадцатая глава написана на основе моей статьи «Есть ли это у глаз?», также опубликованной в журнале *American Scientist* в 2012 г.³

Я благодарю моих редакторов Элизабет Кнолл и Майкла Фишера; моего агента Мишель Тесслер; и как всегда, моего мужа за его поддержку и вдохновение.

Они – это мы

Немногие книги о науке начинаются с утверждения, что некоторые из наиболее уважаемых ученых сильно ошибаются, но здесь именно тот случай: ученые заблуждаются. Хотя научное сообщество практически единодушно признало, что инвазивные виды представляют ужасную проблему — изменяют экосистему, приводят к вымиранию видов и уменьшению биоразнообразия, — в нашем каталоге инвазивных видов существует яркое белое пятно. Вы и сами можете убедиться в этом, посетив веб-страницу http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_самых_опасных_инвазивных_видов, где найдете список из 100 самых вредных инвазивных видов, извлеченный из Глобальной базы инвазивных видов. Этот список ведет группа специалистов по инвазивным видам Международного союза охраны природы (IUCN). Другими словами, одни из самых сведущих, умных, увлеченных и хорошо информированных людей беспокоятся о воздействии на наш мир инвазивных видов. Они собирают данные, составляют списки и документируют влияние инвазивных видов.

Какие виды можно найти в этом списке? Ряд названий окажется знакомым для многих людей, интересующихся охраной природы, экологией или общей биологией. В нем есть инвазивные млекопитающие, такие

как домовая мышь, каролинская белка и лисий кузу; птицы, например обыкновенная майна (саранчовый скворец) и обыкновенный скворец; растения, в числе которых кудзу (пуэрария дольчатая), дербенник иволистный и опунция сжатая; насекомые, например малярийный комар, азиатский непарный шелкопряд и красный огненный муравей; моллюски, в том числе речная дрейссена, кольчатая помацея (*Potamocoeva canaliculata*) и гигантская ахатина; и множество других видов — тростниковая жаба (жаба-ага), нильский окунь, коричневая бойга, «голландская болезнь вяза» (возбудитель — офиостома вязовая) и патогенный гриб *Batrachochytrium dendrobatidis*, убивающий земноводных. Этот список можно продолжать. По широте охвата представленных в нем видов живых организмов и масштабам их распространения список получается чрезвычайно удивительным. Однако в нем имеется очень серьезный пробел.

Наиболее активно распространяющийся, наиболее сильно изменяющий окружающую среду вид — тот самый, который стал косвенной или непосредственной причиной вымирания тысяч других видов и изменений практически любой среды обитания, какую только можно вообразить, — в списке отсутствует. Если вы отправитесь на веб-сайт Глобальной базы инвазивных видов (<http://www.issg.org/database/welcome/>) и будете искать по полному списку, а не только среди 100 самых опасных его представителей, то, когда вы введете в строке поиска название нашего вида «*Homo sapiens*»,

результатом поиска будет: «В настоящее время записей об этом инвазивном виде не найдено».

Почему же его нет?

Может быть, потому, что именно мы, люди, *Homo sapiens*, и составили этот список и не хотели признаться себе в этом. На плакате, выпущенном ко Дню Земли в 1971 г., мудрый опоссум Пого из одноименного комикса Уолта Келли говорит: «Мы столкнулись с врагом, и этот враг — мы сами» (рис. 1.1)¹.

Так и есть.

Я поддерживаю точку зрения, что человек — это самый экологически агрессивный вид из всех когда-либо существовавших. С момента своего эволюционного возникновения в Африке около 200 000 лет назад наш вид распространился по всему миру, захватывал один географический регион за другим и занимал все новые местообитания до тех пор, пока не освоил все континенты. Мы живем в знойных тропиках и на дальнем ледяном севере, на вершинах гор и в широких долинах, на островах, на континентах и на островных континентах, в пустынях, в джунглях и в лесах умеренных широт, в открытых и закрытых ландшафтах. Мы не живем под водой, разве что в искусственных местообитаниях вроде подводных лодок, тем не менее многие люди живут на кораблях, в лодках или в плавучих поселках на озерах и реках. Мы обосновались практически в каждой среде обитания. Этот факт внушает страх и благоговение.

Приспособляемость, хитрость и технологии, которые сделали возможным наше столь широкое

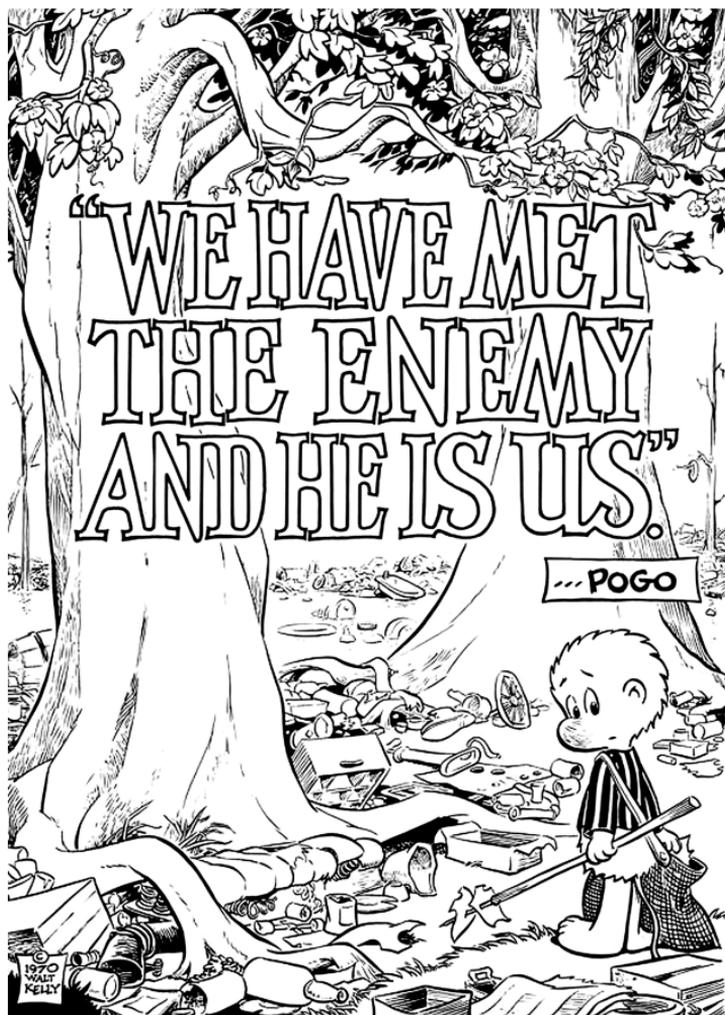

Рис. 1.1. По мотивам комикса «Пого» Уолт Келли нарисовал плакат ко Дню Земли, чтобы показать тот ущерб, который люди наносят своей планете

географическое распространение, говорят о том, что наш инвазивный успех неповторим ни для одного другого вида. Мы приспособились к невероятно широкому спектру условий обитания, к различным образам жизни, диетам и климатическим условиям. Нам помогли наши уникальные языковые навыки, которые позволили записывать обретенные знания и обмениваться ими. Мы смогли адаптироваться не только благодаря биологическим особенностям, нам помогло изобретение и использование культурного багажа: одежда, огонь, жилище, водопровод, выращивание зерновых. Некоторые из этих изобретений — продуманные орудия труда, вещи, созданные для использования, другие же — модели поведения. Кроме того, мы создаем средства, которые позволяют нам перехитрить и обойти долгий процесс эволюционных изменений и служат для развития наших ресурсов и навыков. К примеру, эволюция не дала нам острые режущие зубы для откусывания пищи; мы изобрели сначала каменные, затем металлические инструменты для облегчения резания, которые изготавливаются из самых разнообразных материалов, какие только можно представить.

Мы «изобрели» и «создали» живые орудия труда, когда одомашнили других животных и стали контролировать их потомство, чтобы закрепить в нем нужные нам качества. Так, поскольку между приручившим и прирученным видами заключено своего рода соглашение, или пакт, мы можем заимствовать некоторые из анатомических и поведенческих навыков прирученных видов,

такие как их сверхострые зрение и слух, скорость передвижения, гигантскую силу, острые зубы, быстрые лапы, смертоносные когти и крайне чуткое обоняние. Это соглашение, кажется, работает в нашу пользу, но я хотела бы предупредить, что для более трезвого взгляда нужно учитывать нюансы. Живые орудия, такие как лошади, собаки, кошки, крупный рогатый скот или свиньи, — это не пассивные, а активные участники договора. Если они не хотят и не согласны сотрудничать с нами, они не будут работать ради нашего блага. Приручение, одомашнивание — это соглашение между двумя видами, которое нужно постоянно подтверждать, а вовсе не порабощение одного вида другим². Некоторые виды категорически отказываются быть прирученными.

Хотя окультуривание растений меньше связано со взаимными обязательствами, тем не менее наш глобальный успех как вида и наша постоянно растущая численность стали возможными во многом благодаря тому, что эти окультуренные растения нам дали. Тем не менее это было выгодно обеим сторонам. Растения тоже выиграли от окультуривания, что выразилось в увеличении урожайности, более крупных семенах, защите от животных и в такой простой радости, как полив.

За наш успех пришлось заплатить серьезную цену. Современные люди, *Homo sapiens*, опустошили миллионы гектаров когда-то плодоносившей земли, что привело к ее эрозии; и эта практика продолжается. Мы вырубали или сожгли огромные массивы лесов и степей, которые когда-то производили кислород, обогащавший

нашу атмосферу, а также давали нам и другим живым существам фрукты, листья, корнеплоды и орехи для питания. Мы, и только мы несем ответственность за загрязнение, отравление и высушивание бесчисленных водных источников по всему миру, все из-за наших ненасытных и растущих потребностей, наших токсичных химикатов и чудовищных мусорных свалок. Более того, мы причастны к исчезновению такого количества видов живых существ, что и сосчитать нельзя.

Не я одна возлагаю вину на плечи человека. В 2005 г. экологи Дэвид Берни и Тим Флэннери написали обзорную статью под названием «Пять тысяч лет катастрофического вымирания после контакта с человеком»³. Название говорит само за себя. Постепенно люди занимали новые территории, где вскоре оказывались на грани вымирания многочисленные виды. Берни и Флэннери придерживаются мнения, что существует «универсальный принцип появления человека, за которым следуют обеднение фауны и другие экологические изменения, и исключений из этой схемы не известно»⁴. Только подумайте: универсальный принцип обеднения фауны. Во многих случаях часть фауны, которая находится на грани вымирания, включает в себя многие виды крупных млекопитающих, птиц или рептилий. Крупные животные более уязвимы, поскольку размножаются медленнее, чем мелкие, поэтому утрата любого числа особей репродуктивного возраста имеет более серьезные последствия. Кроме того, крупным животным нужны большие пространства для жизни, и это еще одна причина, по которой они более

восприимчивы к потере мест обитания. Когда в 1967 г. Пол Мартин начал подробно писать об этом, данное явление получило название «исчезновение мегафауны»⁵. Опустошение, которое мы несем с собой, распространяется не только на животных, но и на растения. В другой современной статье выдающаяся команда экологов пишет: «Современное вымирание видов во многом обусловлено одним-единственным видом — *Homo sapiens*, и с момента его появления в позднем плейстоцене это... массовое вымирание характеризуется исчезновением крупных животных в общем и сверххищников (высших хищников) в частности... Исчезновение сверххищников, вероятно, является самым глубоким и всеобъемлющим воздействием человечества на природу»⁶. Сверххищник — верхнее звено пищевой цепи, вид, который прямо или косвенно потребляет всю нехищную биомассу экосистемы. Мы, конечно, являемся высшими хищниками, и мы хорошо потрудились, сознательно или нет, над тем, чтобы уничтожить всех остальных высших хищников, которые могли бы конкурировать с нами в тех экосистемах, где мы появлялись.

В истории были случаи, когда изменение климата выводило экосистемы из состояния равновесия и инициировало явную депопуляцию крупных видов млекопитающих, делая их еще более уязвимыми перед человеком, хотя практически нет никаких сомнений, что человеческое вторжение было ключевым фактором (не обязательно единственным), запустившим вымирание видов на обширной территории Евразии, Австралии и обеих

Америк, на околополярной территории, на многочисленных островах и на островном континенте Мадагаскар⁷. Я не стану заявлять, что возникновение людей было единственным фактором, обусловившим вымирание многих видов, однако исчезновение большого числа видов вслед за расселением человека является обычным делом.

Высшие хищники имеют особое влияние на формирование экосистемы. Морской эколог Роберт Стенек из Университета штата Мэн замечает: «Исследования довольно сильно отличающихся друг от друга экосистем показывают, что один-единственный хищный вид может контролировать распространение, численность, размер тела и разнообразие других видов в системе»⁸. Роль человека в исчезновении видов лучше всего видна на небольших островах, где ограниченность ресурсов, жизненно необходимых для существования местных видов, более очевидна и заметна. Но даже на континентах хорошо видно, какую роль сыграл человек в исчезновении мамонтов и мастодонтов, туров и диких лошадей, мадагаскарских гигантских лемурув, маврикийских дронтов и новозеландских моа. Мы, люди, способствовали исчезновению удивительных гигантских сумчатых, огромных хищных птиц и восхитительных странствующих голубей, гигантских ленивцев, шерстистых носорогов, грозных и страшных сумчатых волков и саблезубых кошек, а также многих других видов, которые смогли пережить изменение климата, но не появление людей. Человеческое хищничество — это не единственный фактор, который привел к вымиранию всех этих видов, тем не менее

невозможно игнорировать вывод о том, что именно мы сыграли ключевую роль в этом процессе.

Эта книга описывает чрезвычайно важный период нашей истории, время, когда пресеклось существование последней группы палеоантропов — неандертальцев. На страницах книги я показываю, что вымирание неандертальцев было вызвано появлением в районе их обитания современных людей; проще говоря, люди — это в высшей степени хорошо приспособляющийся инвазивный вид, и вели мы себя соответствующим образом в то время, когда происходило вымирание неандертальцев. Я с радостью обнаружила, что другие антропологи высказывают похожие мнения, и я выражаю им признание в этой книге⁹.

Причины, приведшие к вымиранию наших близких родственников — неандертальцев, озадачивали палеоантропологов с тех самых пор, когда в 1856 г. неандертальцы были признаны отдельным видом. По мере роста числа найденных ископаемых останков и распространения новых методов исследования, исчезновение вида со столь близкими и знакомыми нам характерными признаками — умение разводить огонь, изготавливать и использовать орудия труда, объединяться в группы, охотиться на крупных млекопитающих, использовать символы, изображения и даже в какой-то степени общаться — по-прежнему оставалось загадкой. Однако, как только вы поймете, как инвазивный вид добивается успеха и какие факторы определяют его влияние на экосистему, в которую этот вид вторгается, никаких загадок больше не останется.

Мы идем к вам, хотите вы этого или нет

Что же такое инвазивный вид? Возможно, простейшее определение этого понятия такое: это вид, который переселился в новую географическую область, в которой прежде (исторически) представители этого вида не обитали. Переселившиеся виды, те, которые адаптировались к новым местам обитания без вмешательства человека, считаются местными видами. Эндемичные виды являются подмножеством местных. К ним относятся те виды, которые сформировались на конкретной территории и обитают только там. Виды-вселенцы не относятся ни к тем ни к другим; это виды, для которых данная местность не является «родной». Вселенцы — это некоренные, неместные, неэндемичные, чужеродные и зачастую разрушающие сложившуюся экосистему виды.

Власти США дали юридическое определение чужеродным видам: «В отношении отдельной экосистемы [к ним относятся] любые виды, не являющиеся естественными для указанной экосистемы, в том числе семена, яйца, споры или другие биологические объекты, способствующие размножению этих видов»¹. В том же официальном документе инвазивные виды определены как «чужеродные виды, интродукция которых наносит или может нанести экономический или экологический ущерб или ущерб здоровью людей»². Данное

определение означает, что виды, не разрушающие экосистему и безвредные для людей, формально не относятся к инвазивным. Это несколько близорукая и антропоцентрическая точка зрения.

В чем разница между инвазией видов и географической экспансией? Основные отличия состоят во временном масштабе процесса, расстоянии и степени влияния³. Расширение территории обитания вида на несколько километров, вероятно, будет иметь пренебрежимо малое влияние на экосистему в целом. Значительное же расширение области распространения вида, переселение особей вида из одного места обитания, или экосистемы, или континента на другой, через горный хребет или иной труднопреодолимый географический барьер, рассматривается как инвазия, поскольку подобные изменения весьма вероятно приведут к серьезным последствиям.

Экосистемы — сложные образования, переплетенные сетью взаимодействий видов, их симбиозом и взаимозависимостью. Тесные взаимоотношения между видами в пределах одной экосистемы обогащаются, деформируются и усложняются под влиянием конкуренции, взаимоисключающих и расширенных потребностей, а также изменчивого сосуществования. Вбрасывание абсолютно нового организма в эту смесь может нарушить функционирование всей системы, если только новый организм не окажется столь слабо приспособляющимся, что вымрет до того, как сможет сформировать жизнеспособную и воспроизводящуюся популяцию.

Инвазивные или неместные виды довольно просто определить в теории, но не на практике. Если коренной или местный вид — это тот вид, который был частью локальной экосистемы в течение значительного периода времени, возникает вопрос: насколько долгим должен быть этот период? Сколько лет, веков или тысячелетий вид должен быть частью экосистемы, чтобы его можно было считать местным?

В Соединенных Штатах в качестве Рубикона, разделяющего в отдельной экосистеме местные и неместные, чужеродные, инвазивные виды часто используется период в 500 лет. Экологи, которые занимаются живыми организмами, склонны мыслить очень короткими отрезками времени, сопоставимыми с продолжительностью жизни нескольких поколений людей, и поэтому 500 лет — вполне подходящий срок. Я расцениваю такой подход как довольно слабый для широкого круга задач. С момента своего появления инвазивная биология была тесно связана с задачами и стратегиями сохранения и защиты, поэтому изменения, которые происходили в течение относительно короткого периода времени, привлекали повышенное внимание. Подобные изменения можно было увидеть, измерить и задокументировать. Гораздо сложнее увидеть и понять причины инвазии, когда временной отрезок составляет тысячи или десятки тысяч лет.

Палеонтологи и палеоантропологи, такие как я, привыкли мыслить масштабами веков и тысячелетий. Преимущество изучения больших промежутков времени

состоит в том, что на длинных отрезках можно ясно увидеть великие эволюционные и биологические законы и тенденции. Считаются ли животные, которые эволюционировали в Азии и потом оказались на Американском континенте (а это люди, мамонты, лошади и волки) местными видами, если они провели на этом континенте 20 000 лет? А если 10 000? Отрезок в 500 лет явно недостаточен, чтобы увидеть масштабные эволюционные эффекты, разве только в случае видов с очень небольшой продолжительностью жизни, смена поколений которых происходит за короткий промежуток времени. Погружение в глубины времени при проведении эволюционных исследований означает, что я несколько иначе подхожу к проблеме инвазивных видов и вопросам вымирания, чем это делают большинство инвазивных биологов. Слабость традиционного подхода заключается в том, что в масштабах геологического времени бывает очень сложно отследить многие кратковременные (порядка сотен лет) флуктуации, то есть изменения, которые могут причинить вред отдельным видам. В некоторых ситуациях мы, палеонтологи и эволюционные биологи, можем заглядывать слишком далеко. В целом же я считаю, что понимание принципов инвазивной биологии поможет найти ответы на некоторые давние вопросы эволюционной биологии. Иногда анализ кратковременных эффектов дает ключ к пониманию эффектов длительных.

Чтобы правильно объяснить гипотезы и выводы, которые лежат в основе этой книги, я должна дать

предельно ясное определение инвазивного вида в том смысле, как я его понимаю. Рабочее определение, которым я пользуюсь, не ограничивается только перемещением на исторически новую территорию. Один из критериев для определения, является ли вид инвазивным или нет, зачастую связан с тем влиянием, которое этот вид оказывает. К понятию инвазивности не применим принцип «все или ничего». Организм должен пройти ряд последовательных этапов, чтобы его можно было отнести к инвазивным видам.

Во-первых, появление: чужеродный вид должен каким-то образом оказаться в новой экосистеме, что в наше время зачастую происходит при участии человека. Представители инвазивного вида могут перемещаться «автостопом», используя корабли, самолеты или автомобили, спрятавшись в трюмной воде, в грузовых контейнерах, в личном багаже, в складках нашей одежды или даже внутри наших тел. Более крупные представители инвазивных видов иногда целенаправленно привносятся людьми, которые хотят иметь гарантию того, что на новой территории будут важные для них виды животных. Например, люди привезли с собой не только домашних животных, но и оленей, лосей, кроликов и бесчисленное количество растений в разные регионы. По оплошности мы также распространили множество насекомых и паразитов. Мы, люди, не любим путешествовать в одиночку.

Во-вторых, вселенцы должны сформировать жизнеспособную дикую популяцию. В качестве простого

примера можно привести минимальную жизнеспособную популяцию (МЖП), которая обычно включает 1000 особей*. Если особей будет меньше, недостаточное генетическое разнообразие может привести к высокой частоте опасных мутаций, вызванных инбридингом (близкородственным скрещиванием). Маленькие популяции более уязвимы, чем большие, перед такими случайными бедствиями, как ураганы, эпидемии разных болезней или засуха. В результате подобных происшествий небольшая популяция-основатель может полностью исчезнуть за очень короткий период времени. Тем не менее в научной работе по данному вопросу, опубликованной в 2007 г., было сделано предположение, что для МЖП даже менее 1000 особей может оказаться достаточно⁴. Меня беспокоит, что МЖП обычно определяется как популяция, которая с вероятностью 95% сохранится на протяжении не менее 100 лет. Но почему одной сотни лет? В палеонтологии это невидимый, невыявляемый фрагмент времени, а вовсе не длительное выживание, хотя сотня лет для человека довольно долгий срок. (Обычно считается, что поколение людей сменяется за 20 лет, то есть 100 лет — это пять поколений. Немногие из нас могут отследить историю своей семьи так далеко в прошлое.) По моему мнению, если вы пытаетесь просчитать долгосрочное выживание популяции, то одной тысячи особей слишком мало, поскольку случайное событие, ло-

.....

* У каждого биологического вида (разных размеров, скорости размножения и т. п.) МЖП своя и может сильно варьироваться. — *Прим. ред.*

кальная или глобальная катастрофа или малозаметные перемены запросто могут уничтожить такую популяцию.

Давайте рассмотрим хорошую аналогию вторжению современных людей в Евразию — заселение Австралии. Эта аналогия удобна тем, что на Австралийском континенте до появления современных людей какие-либо представители подсемейства гоминин полностью отсутствовали, поэтому здесь не возникнет путаницы с археологическими стоянками или орудиями, принадлежащими разным видам гоминин. В Евразии такая путаница — обычное дело. Кроме того, заселение Австралии происходило во временном окне с 48 000 до 46 000 лет назад, практически в том же временном интервале, когда современные люди впервые оказались и в Евразии. Можно предположить, что первые люди, добравшиеся до Австралии, обладали способностями, примерно сопоставимыми с возможностями первых людей Евразии⁵, с тем условием, что у первых человеческих поселенцев, достигших Австралийского континента, должны были быть морские суда и значительные познания в мореплавании⁶.

Так что же произошло? И сколько людей потребовалось, чтобы заселить Австралию?

В недавнем исследовании, выполненном Аланом Вильямсом из Австралийского национального университета, хитроумным способом было подсчитано число людей, которые поселились в Австралии около 45 000 лет назад⁷. Обычно антропологи предполагают, что Австралию колонизировала малочисленная группа, состоящая,

вероятно, из 50 или 100 человек. Вильямс решил проверить это предположение математически. Сначала он собрал данные обо всех раскопанных стоянках, которые прошли радиоуглеродный анализ, были подробно описаны и относились к периоду, предшествовавшему появлению на континенте европейцев; таких стоянок насчитывается около 5000. Затем он использовал зависимость числа стоянок от времени для приближенной оценки численности популяции, основываясь на разумном предположении, что большее число людей оставляет большее число стоянок. Это предположение позволило ему рассчитать темп относительного роста популяции во времени даже при условии, что изначальная численность популяции-основателя была ему неизвестна. Теперь он мог задаться вопросом, сколько времени потребовалось популяции-основателю, чтобы удвоить, утроить или удесятерить свою численность. Поскольку скорость роста популяции была ему известна, то, отталкиваясь от размера популяции аборигенов на момент появления европейцев (то есть примерно в 1788 г.), он мог рассчитать, насколько большей должна была быть численность популяции-основателя. По состоянию на 1788 г. оценки численности аборигенов варьируются от 770 000 до 1,2 млн человек. Число не очень точное, поскольку вместе с европейцами на континенте появились и европейские болезни, которые всего за несколько лет подкосили многие группы аборигенов, не говоря уже об умышленном убийстве аборигенов европейскими поселенцами. Также не было проведено и систематической переписи населения всего